

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятни- ков тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюр- кизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятни- ков тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохта- мыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоко- ведения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла . . . . .
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

П. М. МЕЛИОРАНСКИЙ И ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКОЙ ТОПОНИМИИ

Пристальное внимание к тюркским географическим названиям, можно теперь уже сказать с уверенностью, было традиционным для отечественной тюркологии. И. Н. Березин в своих работах этимологизировал целый ряд топонимов тюркского происхождения; Н. И. Ильминский собирал казахские географические термины. Особенно многогранна топонимическая деятельность В. В. Радлова. Собрание тюркской ономастики было одной из важных сторон исследований Н. Ф. Катанова¹.

Не удивительно поэтому, что уже в ранних работах, казалось бы не имевших никакого отношения к не существовавшей тогда еще дисциплине—топонимике, П. М. Мелиоранский обнаруживает интерес к тюркским географическим названиям. На эту область интересов ученого, начиная с самых первых его работ, оказались как бы спроецированными основные линии его тюркологических исследований.

Топонимы, которые в числе примеров приводятся в «Краткой грамматике казак-киргизского языка», например *Шалкар көл* «озеро Шалкар», *Балкан тау* «гора Балкан» или народный казахский эквивалент для русского Орск — *Цаман кала*², отличаются прежде всего точностью передачи истинного народного звучания географического названия: в русской литературе обычно речь шла об оз. Чалкар и о горах Больших и Малых Балханах.

В «Краткой грамматике» вполне проявляется и другая сторона топонимических интересов П. М. Мелиоранского — выделение тюркских географических терминов (апеллятивов),

¹ Кстати, именно Н. Ф. Катанов стал в 1906 г. членом Подкомиссии по транскрипции географических наименований вместо безвременно скончавшегося П. М. Мелиоранского.

² П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II, СПб., 1897, стр. 8, 4, 25.

подбор к ним русских соответствий и детальное объяснение мало-мальски специфического апеллятива даже и в том случае, если подыскан более или менее точный русский эквивалент. Так, переводя казахск. *саі* как «балка», П. М. Мелиоранский поясняет в специальном примечании: «Высохшее русло реки или длинный, но не широкий овраг большею частью со следами воды или болота на дне»³.

Подборка апеллятивов представлена в глоссарии, которым ученый сопровождал свое исследование «Араб филолог о турецком языке»⁴; из топонимов здесь оказались собранными названия небесных тел⁵.

С особой тщательностью П. М. Мелиоранский относился к объяснению древнетюркских апеллятивов, допускающих неоднозначное толкование. В его работах дважды объясняется, например, древнее *йыш*, причем во второй раз углубляется показ полисемантической апеллятива: «„Чернь“ — лес на горах или горы, покрытые лесом; сибирское слово, вполне равносильное турецкому „йыш“»⁶; соответственно *Алтун-йыш* надписей переводилось как «Золотые горы»⁷.

Такой же смысловой неоднозначностью вызвано и пояснение, которым П. М. Мелиоранский, следуя в своем толковании за В. В. Радловым, сопровождает еще один древним апеллятив: «Слово „баш“, которое встречается как определенное местности еще не один раз, может значить и „вершин“ (горы)», и „исток (ручья)“»; при этом он считает нужным сразу же подчеркнуть особо, что «„баш“ не значит „ручей или „река“, а только „исток, верховье ручья или реки“»⁸.

При слабой разработанности тюркской топонимии, и особенно древней ее части, такие пояснения были совсем лишними⁹. Достаточно напомнить, что В. Банг пытался в руническом слове или словосочетании *кушлабагда* истолковать *ак* как «утес, гора, горная цепь». П. М. Мелиоранский подверг это толкование резкой критике и показал, что оно низ-

³ Там же, стр. 84; см. также стр. 90 и 91.

⁴ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. LXXX, 049, 067, 090, 0120 и сл.

⁵ Там же, стр. 049, 053, 0111 и сл.

⁶ П. Мелиоранский, Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями, — ЖМНП, 1898, июнь, ч. CCCXVII, стр. 270, прим. 1. Ср.: В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме, СПб., 1897, стр. 17, прим. 2.

⁷ Об орхонских и енисейских надгробных памятниках, стр. 264.

⁸ Памятник в честь Кюль-Тегина, — ЗВОРАО, 1900, т. XII, стр. 127.

⁹ В ряде случаев подробные объяснения и подбор нескольких русских эквивалентов для того или иного апеллятива были обусловлены своеобразием семантического развития слова в тюркских языках. В качестве примера можно привести разбираемые Мелиоранским подробно слова *ил* и *улус* (Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 82, 21, 37 и стр. 135).

дется именно на невнимании В. Банга к апеллятивам: «оронимическое» значение *ak* возникает только в сочетании с оронимическими терминами — *ak тумшук*, *ak таиш*¹⁰.

При изучении древнетюркских рунических памятников стремление П. М. Мелиоранского выделить и объяснить все те апеллятивы, которые довольно часто употребляются там в составе географических названий, поставило топонимические изыскания ученого в этой области на реальную почву.

В работе над древнетюркскими руническими надписями П. М. Мелиоранский опирался на опыт своих предшественников. Пользуясь тем, что в разных енисейско-орхонских надписях повторялись примерно одни и те же топонимы¹¹, П. М. Мелиоранский в комментариях к изданному им памятнику в честь Кюль-Тегина тщательно суммировал существовавшие чтения и попытки отождествления всех тех топонимов, которые встретились в этом памятнике. Всякий раз, когда чтение или истолкование топонима казалось ему неверным, он приводил развернутую аргументацию разных планов — собственно лингвистическую (в том числе топонимическую), географическую, историческую. В то же время П. М. Мелиоранский всегда отмечал то в мнениях и чтениях своих предшественников, что казалось ему приемлемым или вероятным. В ряде случаев П. М. Мелиоранский присоединяется к предложенному другими учеными толкованию: например, вслед за В. Томсеном считает, что «Тәмір капыҕ»¹² есть горный проход Бузгала, по дороге из Балха в Самарканд»¹²; вслед за Грум-Гржимайло и Марквартом отождествляет *јәнчү үз[үз]* с Сырдарьей¹³; главным образом по В. В. Бартольду он толкует *Шандуң јазы* как китайскую провинцию Шан-Дун, которая орошается рекою Хуанхэ (в надписи: *Јашыл үзүз*)¹⁴. Все это случаи отождествлений, бесспорно принятых и современной наукой¹⁵.

Для ряда древнетюркских топонимов П. М. Мелиоранский предлагает собственные толкования или уточнения. Так, *Көг-мән-јыш* представляется ему более вероятным отождествить

¹⁰ Там же, стр. 129.

¹¹ П. М. Мелиоранский одним из первых заметил, что «границы владений, или, по крайней мере, сферы походов турецкого народа, в надписях, как кажется, стереотипны...» (там же, стр. 104).

¹² Там же, стр. 86. Ср. первоначально иное толкование в статье «Об орхонских и енисейских надгробных памятниках», стр. 284, 290.

¹³ Ср., однако: там же, стр. 290.

¹⁴ Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 85 и 68.

¹⁵ См., например: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 76, 86, 156 и сл.

с Саянским хребтом (а не с Танну-Ола, как у Бартольда)¹⁶. *Кадыркан жыш* — с Хинганским хребтом¹⁷.

При дешифровке небольшой орхонской надписи на серебряной кринке П. М. Мелиоранский предложил чтение *lūgčyūč* и отождествил его с русской передачей китайского топонима *Логучен*, тут же обосновав звуковые переходы, сопровождавшие проникновение китайского топонима сначала в тюркские языки, а через них — в русский¹⁸.

Постоянный интерес П. М. Мелиоранского к тюркской топонимии (шире — к тюркской ономастике вообще) сказался при подготовке им к изданию «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха: для напечатанных им десяти листов он составил карточный указатель имен собственных¹⁹. Эту работу продолжил и закончил его ученик А. Н. Самойлович, выделив три части: I. Указатель имен географических, II. Указатель имен племенных и названий людей по местностям, предкам и начальникам, III. Указатель личных имен²⁰. Разделяя мнение Г. Вамбери о ценности «Шайбани-наме» в географическом отношении, А. Н. Самойлович осуществил также попытку своего учителя согласовать топонимические данные Мухаммеда Салиха и Захир ад-дина Бабура — двух современников, чьи произведения, отражающие реальные исторические события среднеазиатского средневековья, в высокой степени насыщены географическими названиями.

Еще одна область интересов П. М. Мелиоранского — этимология — также нашла свое отражение в топонимических материалах ученого. Изучая тюркские элементы в языке «Слова о полку Игореве», П. М. Мелиоранский выделяет русский апеллатив *яр*, *яруга*, показывает его тюркское происхождение, а также использование этого апеллатива в рус-

¹⁶ Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 100. Ср. более раннее толкование по Бартольду: «Об орхонских и енисейских надгробных памятниках», стр. 281.

¹⁷ Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 98. Это отождествление принято и современной наукой (см.: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, стр. 38).

¹⁸ П. Мелиоранский, Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея, СПб., 1903, стр. 035 (отд. отт. из ЗВОРАО, 1904, т. XV).

¹⁹ Даже при издании такого сравнительно небольшого по объему текста, как «Документ уйгурского письма султана омар-Шейха» (СПб., 1904), П. М. Мелиоранский выделил особо «собственные имена» городов Андижана и Маргелана в том написании, которое представлено в документе — *Андйган* (стр. 08) и *Мрабынан* (стр. 012), и объяснил фонетику этих топонимов.

²⁰ См. об этом: А. Самойлович, Предисловие, — Мухаммед Салих, Шейбани-наме. Джагатайский текст. Посмертное издание П. М. Мелиоранского, СПб., 1908, стр. I—II.

ской топонимии²¹. По поводу упоминания «Арабом-филологом» этнонима *салбур* (или *салбір*), который сближается «с известными туркменскими салырами, салорами или салурами», П. М. Мелиоранский приводит название крымской реки *Салгир*, которое, как он полагает, «тоже вероятно в связи с этим словом»²².

Всегда крайне осторожный в своих этимологизированиях, П. М. Мелиоранский не раз заявлял, что он «положительно враг „смелых“ этимологий при настоящем состоянии тюркологии»²³. Любые фантастические или просто малообоснованные этимологии он подвергал суровой критике. В частности, попытка Маркварта и Гирта возвести этноним *кяңарас* к топониму *Кяңар* (так в древности называлось нижнее течение Сырдарьи) представлялась П. М. Мелиоранскому необоснованной «уже потому, что окончание *-ас* в „кяңарас“ нельзя просто игнорировать, а объяснить его, раз корень — „кяңар“, очень нелегко»²⁴.

Таким образом, для П. М. Мелиоранского не было неожиданностью, когда его одним из первых в числе других языковедов и историков (таких, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, В. Котвич, Г. И. Рамstedт, С. Ф. Ольденбург, К. Г. Залеман и др.) пригласила Картографическая комиссия, учрежденная 18 марта 1904 г. имп. Русским географическим обществом, участвовать в работе Подкомиссии по транскрипции географических наименований.

Предстояло переиздать карту Европейской России, выпущенную ИРГО в 1862 г. в 40-верстном масштабе. Первое издание этой карты устарело и нуждалось в полнейшей переработке, прежде всего в области географической номенклатуры, с одной стороны, и транскрипции названий на карте, с тем чтобы «установить однообразную и верную передачу всех географических названий русскими буквами», с другой стороны²⁵.

Хотя П. М. Мелиоранский попутно всегда интересовался тюркскими апеллятивами и стремился к их вполне адекватному переводу или объяснению, от разработки первого вопроса, вставшего перед Картографической комиссией, он от-

²¹ П. Мелиоранский, Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», — ИОРЯС, 1902, т. VII, кн. 2, стр. 301—302.

²² Араб филолог о турецком языке, стр. X, прим. 6.

²³ Там же, стр. LXXVII.

²⁴ Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 126. Характерно, что, имея в виду склонность коллеги к «фантастическим» этимологиям, он тут же ехидно отметил: «Скажу наперед В. Бангу, что монгольское множественное па „с“ сюда, конечно, неприменимо».

²⁵ См.: «Протокол заседания бюро Картографической комиссии 11 апреля 1905 г.».

казался. В своем последнем письме в Картографическую комиссию, полном планов относительно дальнейшей работы, этот необыкновенно добросовестный и осторожный в своих выводах ученый писал: «Перевести список нарицательных географических имен на турецкие наречия я не возьмусь, думаю, что очень многих из них вообще не существует на турецком языке»²⁶.

К разработке же проблем транскрипции географических наименований П. М. Мелиоранский был подготовлен всей своей деятельностью по изданию текстов (в оригинале и в транскрипции) памятника в честь Кюль-Тегина, трактатов «Араба-филолога» о турецком и монгольском языках, документа уйгурского письма Султана Омар-Шейха и др.

Прежде всего необходимо было решить, какая система транскрипции будет принята за основу. П. М. Мелиоранский, поддержанный И. А. Бодуэном де Куртенэ, указал на возможность взять в качестве пособия для транскрипции академическую фонетическую азбуку. Однако он сразу же подчеркнул, что «пользоваться ею во всей полноте» для такого популярного издания, как карта, невозможно: «Она слишком сложна и слишком теоретична. Кроме того, она, даже с точки зрения теоретической, неудовлетворительна во многих отношениях; наконец, она непопулярна, т. е. мало распространена»²⁷. Более подходящей для целей Подкомиссии П. М. Мелиоранский счел транскрипцию, разработанную для практических, миссионерских нужд Н. И. Ильминским²⁸. Ученый не зря избрал систему Ильминского: при разработке этой системы, по признанию самого ее автора, «главная его забота была о народности языка»²⁹; «кроме приспособления русских букв к татарским звукам» Ильминскому «пришлось постепенно изменять и устанавливать орфографию», что он и сделал весьма успешно, основываясь на анализе типичных ошибок своих учеников-татар³⁰.

П. М. Мелиоранский активно участвовал в разработке общих принципов транскрипции для карты и для указателя. В этом вопросе он проявил себя как новатор, выступив первым против традиции, лишенной смысла. Именно П. М. Ме-

²⁶ «Протокол заседания Подкомиссии по транскрипции географических наименований 22-го апреля 1904 г.» (№ 5).

²⁷ «Протокол заседания [Подкомиссии № 1] 25 мая 1904 г.».

²⁸ Там же: «Особенно удобно в качестве образчика пользоваться изданиями на чувашском языке, составленными Ильминским и Яковлевым».

²⁹ Письмо Н. И. Ильминского от 3 мая 1876 г. — в кн.: «Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам». Казань, 1883, стр. 12.

³⁰ Там же.

лиоранский предложил исключить *ѣ* в конце слов, а *ѣ*, по его мнению, «следует совсем изгнать, ибо появление его в турецких названиях научно оправдано быть не может»³¹. Это предложение П. М. Мелиоранского, встреченное в штыки чуть ли не всеми «неспециалистами по языкознанию» — членами Подкомиссии, было поддержано И. А. Бодуэном де Куртенэ и А. А. Шахматовым³². В то же время П. М. Мелиоранский настаивал на том, чтобы принимаемая транскрипция никоим образом не шла вразрез с общепринятым орфографическим узусом. Так, в частности, он резко возражал против предложения использовать литеры *ѣ*, *ю*, *я*, *ѣ* «исключительно в смысле нејотированных нѣбных гласных (вроде *э*, *ѳ*, *а*, *о*)», мотивируя свои возражения прежде всего тем, что «трудно будет непривычную публику заставить читать такие общепринятые буквы по-нашему»³³. На том же основании отверг он и предложение К. Г. Залемана изображать јотированные звуки «сочетанием *i* + гласный»³⁴, заявляя при этом, что не видит «причин, почему бы не пользоваться русскими буквами *е*, *ю*, *я*, *ѣ*»³⁵. «Если же будет признано лучшим означать јотировку отдельно, — отмечал П. М. Мелиоранский, — то я высказываюсь за „й“ как русскую букву, во избежание пестроты и для удобства типографий»³⁶. Кажется, не было ни одного специфического знака или же звука, в обсуждении способов передачи которого не принял бы участие П. М. Мелиоранский³⁷.

Тонкий фонетист П. М. Мелиоранский придавал особое значение передаче наличия или отсутствия палатализации согласного. Предложив особый знак для палатализации согласных *ʲ*, он настаивал и на том, чтобы «отмечать отсутствие палатализации согласного звука там, где русскому человеку особенно соблазнительно ее произвести... Особенно нужен этот знак над согласными перед „й“, которое по русскому произношению палатализирует предшествующий согласный звук.

³¹ П. М. Мелиоранский, Несколько соображений по вопросу об упорядочении транскрипции географических собственных имен турецко-татарского происхождения (прил. к: «Протокол заседания 2 марта 1905 г. Картографической комиссии ИРГО»), стр. 1.

³² «Протокол заседания [Подкомиссии № 3] 24 марта 1905 г.». Бодуэн де Куртенэ, в частности, «заявил, что нам при выработке транскрипции необходимо думать о подрастающем поколении, а не о стариках и их привычках» (там же).

³³ «Протокол [Подкомиссии] № 1».

³⁴ «Протокол [Подкомиссии] № 2»: «...русская публика приучена неверно произносить сочетание *i* + гласный, например, ср. искажение библейского названия, как *Гаковъ* вм. *Яков* (*Йаковъ*)».

³⁵ «Несколько соображений по вопросу об упорядочении транскрипции», стр. 1.

³⁶ Там же.

³⁷ С.м., например: «Протокол [Подкомиссии] № 2».

Знак ^ над буквой должен поэтому просто предостерегать от неуместной палатализации, например, „имэ́нни кў́л“, „тўп кил-ди“, но не „именны“, „тютп кильды“³⁸.

П. М. Мелиоранский полагал, что все эти сведения вместе «с точным указанием произношения введенных новых знаков и букв» должны быть суммированы в специальной заметке о принятой системе транскрипции, которая предварит собой указатель к картам³⁹.

Этимологические исследования П. М. Мелиоранского наложили свой отпечаток на его деятельность в Подкомиссии по транскрипции географических наименований. С самого начала он подчеркивал «трудности правильного фонетического написания названий, этимология которых неясна»⁴⁰. Относительно целого ряда топонимов у ученого возникали «сомнения или в принадлежности их к турецкому корню, или в подробностях произношения»⁴¹. Поэтому он полагал, что «когда наступит время для обработки географических названий всего района, заселенного (вполне или отчасти) инородцами турецкого племени, то при разборе их будет необходимо участие нескольких специалистов, а именно: специалиста по русскому языку, по чувашскому наречию, по другим турецким наречиям и, вероятно, также по финским языкам»⁴².

Пока же, признавая задачу этимологизирования топонимов чрезвычайно важной при их транскрибировании, П. М. Мелиоранский предложил разные методики для фонетически точной передачи топонимов, этимология которых ясна, и для транскрибирования топонимов, не поддающихся этимологизации. «В наименованиях, этимология которых неясна, следует ограничиваться передачей в той транскрипции, которая будет принята, намерений наших предшественников в установлении географической номенклатуры. В наименованиях же, которые несомненно поддаются этимологизации, можно делать и далее идущие исправления. Например, „Тугузаць Улькуякъ“ с неясною этимологиею следует исправить только в „Тубузац Улқуянк“, а „Алакуль“ с ясной этимологией можно исправить в „Ала кў́л“»⁴³. Если же не при-

³⁸ «Несколько соображений по вопросу об упорядочении транскрипции», стр. 1.

³⁹ Там же.

⁴⁰ «Протокол [Картографической комиссии ИРГО] 2 марта 1905 г.».

⁴¹ П. М. Мелиоранский, Пробная транскрипция географических названий турецкого корня в губерниях Казанской, Оренбургской и Уфимской (прил. к: «Протокол [Подкомиссии] № 5», 1906).

⁴² Там же.

⁴³ «Несколько соображений по вопросу об упорядочении транскрипции», стр. 1.

держиваться этих разных методик и активно, на свой лад «исправлять» передачу этимологически неясных топонимов, то, по словам П. М. Мелиоранского, возникнет «опасность, что вместо внесения упорядочения и единообразия мы внесем только большую путаницу и пестроту»⁴⁴.

Стремясь активизировать работу Подкомиссии, придать ей реальную основу для обсуждений, П. М. Мелиоранский сразу же «предложил, чтобы каждый из членов взялся представить Комиссии записку... касаясь собственных географических имен на языках, представляющих собою специальность каждого из членов, и кроме общих замечаний снабдил бы свою записку перечнем некоторого числа названий: 1) в том виде, как они пишутся в настоящее время, и 2) в исправленном согласно взглядам представляющего записку»⁴⁵. Одним из первых П. М. Мелиоранский представил Комиссии свои «Несколько соображений по вопросу об упорядочении транскрипции географических собственных имен турецко-татарского происхождения», а затем и «Дополнительные соображения по вопросу о транскрипции географических названий в указателе к карте»⁴⁶.

В мае 1905 г. членам Подкомиссии было предложено «за лето транскрибировать некоторое количество (несколько сот, или свыше тысячи) наименований, пользуясь утвержденным проектом нормального алфавита»⁴⁷. Для этой цели всем членам были доставлены листы 40-верстной карты Европейской России издания 1862 г. и карточный каталог.

П. М. Мелиоранский в составленной им «Пробной транскрипции географических названий турецкого корня в губерниях Казанской, Оренбургской и Уфимской»⁴⁸ пользовался только карточными каталогами из-за серьезных искажений этой части топонимов на карте. Список, представленный ученым, невелик. «Объясняется это тем, что турецкие названия, вообще говоря, сравнительно легко поддаются транскрипции русскими буквами», и П. М. Мелиоранский «намеренно выбирал или типичные случаи, или те, в которых научная транскрипция более значительно уклонялась от обычной и проведение ее было сопряжено с более значительными трудностями»⁴⁹.

При составлении «Пробной транскрипции» П. М. Мелиоранского особенно занимали русифицированные формы мест-

⁴⁴ Там же, стр. 2.

⁴⁵ «Протокол заседания [Подкомиссии № 1] 25 мая 1904 г.».

⁴⁶ Прил. к: «Протокол Подкомиссии № 3», 1905.

⁴⁷ «Протокол заседания [Подкомиссии № 4] 11 мая 1905 г.».

⁴⁸ Прил. к: «Протокол [Подкомиссии] № 5, 1906 г.».

⁴⁹ «Пробная транскрипция».

ных географических названий: «Есть много названий, корень которых несомненно турецкий, но к которым прибавлены русские окончания -ский, -ова и др. (деревня) и т. д. Как с ними быть?»⁵⁰ «Я предпочел,— пишет П. М. Мелиоранский,— в указателе отделять русское окончание от турецкого корня апострофом. Быть может, будет признано более целесообразным совсем опускать русское окончание?»⁵¹. И тут же приводит примеры: «Тереклинская (деревня) (=Терекli), Токтубаева (деревня) (=Токту баї), Мамаделеевская (=Мамад eli?), Чебаркульское (озеро)=просто Чабар күл»⁵². Подобный пуризм в отношении башкирской или татарской формы топонима был результатом того, что из-за состояния своего здоровья ученый не мог визуально обследовать действительное народное употребление топонима, не мог определить и степени активности русификации татарских и башкирских топонимов⁵³. Справедливость требует заметить, что пуризм П. М. Мелиоранского распространялся главным образом на указатель, а не на карту. Подтверждая «нежелательность слишком больших тонкостей и новшеств на карте», он «нашел невозможным изменять на карте, хотя и сильно искаженные, но окончательные установленные названия (*Казан* вместо *Казань*)»⁵⁴.

П. М. Мелиоранский, ценивший в исследователе не только его научную подготовку, но и аккуратность, тщательность⁵⁵, сам был образцом аккуратности и предельно ответственного отношения к любому делу. Меньше чем за месяц до кончины он прислал уведомление о том, что не сможет прибыть на за-

⁵⁰ П. М. Мелиоранский, Заметки по поводу транскрипции собственных географических имен (прил. к: «Протокол заседания [Подкомиссии № 5] 22 апреля 1906 г.»).

⁵¹ «Пробная транскрипция».

⁵² Там же. «Ланцет» этимолога угадывается во всех тех случаях, когда Мелиоранский из-под слоев русского освоения раскрывал первоначальный облик топонима: Нагайбатская (Уфимская губ.) <Нагайбак'ская; Янгизская (Оренбургская губ.) <Янзый'ская; Байгучкарова/Бай кучкарова (Оренбургская губ.) <Баї кошкар'ова («Пробная транскрипция»). Относительно деревни *Псянчина* (Оренбургская губ.) Мелиоранский писал: «Неизвестно, русское это название или инородческое (башкирское). В последнем случае оно могло быть в связи с *пĕйн* (башк. сено)» («Заметки по поводу транскрипции»).

⁵³ Во всяком случае, видимо, не учитывалась перспектива развития местных топонимов Подкомиссией по транскрипции, когда она вынесла определение: «Инородческие имена с русскими окончаниями прилагательных... оставить в их туземном виде, так как эта русификация их является вообще весьма непопулярною» («Протокол заседания [Подкомиссии № 5] 22 апреля 1906 г.»).

⁵⁴ «Протокол заседания [Картографической комиссии ИРГО] 2 марта 1905 г.». См. также: «Дополнительные соображения по вопросу о транскрипции» (пункт 12).

⁵⁵ См.: «Памятник в честь Кюль-Тегина», стр. 144.

седание Подкомиссии по транскрипции географических наименований⁵⁶. Тогда же Подкомиссия получила от П. М. Мелиоранского, кроме того, «Пробную транскрипцию» и подробное письмо с изложением соображений ученого о том, как должна строиться дальнейшая работа Подкомиссии. Предложенный П. М. Мелиоранским своеобразный проспект коллективных топонимических разработок не утратил своей методической силы и по сей день: составление карточного каталога топонимов по губерниям; просмотр каталога русистами с целью выделить непонятные им названия; рассмотрение этих названий ориенталистами и усиленная этимологизация непонятных топонимов языковедами различных специальностей⁵⁷.

В некрологе, написанном секретарем Подкомиссии А. Д. Рудневым, П. М. Мелиоранский охарактеризован как «один из самых деятельных и трудолюбивых сотрудников», который «всегда одним из первых представлял ответы на всякие вопросы, выдвигавшиеся на заседаниях нашей Подкомиссии»⁵⁸. «В настоящий момент мы можем сказать в буквальном смысле,— продолжал далее А. Д. Руднев,— что для Комиссии эта потеря незаменима, и тем, кому на долю выпадет продолжать работу в тех областях, где работал Платон Михайлович, придется долго придерживаться заветов покойного нашего сочлена»⁵⁹.

Ввести в научный обиход топонимические разработки П. М. Мелиоранского, как и других отечественных тюркологов,— дело чести современной советской топонимики.

---

⁵⁶ «Протокол заседания [Подкомиссии № 5] 22 апреля 1906 г.» (№ 5).

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ «К протоколу Подкомиссии № 5, 1906 г.».

⁵⁹ Там же.